

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Л. В. Шиповалова

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10401

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ. ИЛИ О ВОЗМОЖНОСТИ НАУКИ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРЫ¹

Аннотация. Предметом исследования является объективность как основная характеристика науки и научная ценность. В статье ставится вопрос о возможном синтезе исследований в области культурологии и философии науки. Предметом таких исследований выступает наука как феномен культуры, а точнее объективность как базовая научная ценность. Такое понимание объективности разделяют многие специалисты в области современной эпистемологии. Проблема состоит в том, что понимание объективности не просто как критерия научности, но и как научной ценности или даже научной добродетели делает ее возможным предметом исследований как философии науки, так и культурологии и близких ей дисциплин. Одновременно такое понимание непосредственным и необходимым образом связывает научное знание с деятельностью людей и, следовательно, возможно релятивизирует его. В статье утверждается, что методологический аппарат культурологии может быть конструктивно использован в решении проблем релятивизма, связанных с исследованием научных ценностей в современной философии науки. Используется аналитический метод исследования, что обусловлено необходимостью выявления сущностных различий в понимании научных ценностей и выяснения их проблемного статуса в контексте философии науки. Утверждается, что современное понимание объективности как научной ценности или как добродетели создает угрозу релятивизма в рефлексии по поводу оснований деятельности ученого. Однако эта угроза может быть преодолена с сохранением статуса объективности, позитивно связывающего ее с деятельностью людей. При этом стремление к объективности понимается как работа ученого над преодолением собственной ограниченности, практика широкого мышления, забота о себе научного субъекта. Культурологические исследования в силу своей предметной определенности всегда имеют дело с подобной проблемой релятивизма и, соответственно идеи в этой области могут быть конструктивно использованы и в философии науки.

Ключевые слова: наука, объективность, философия науки, культурология, научная ценность, научная добродетель, субъективность, релятивизм, универсализм, широкое мышление.

В общепринятом философском дискурсе присутствует понимание науки как элемента культуры. Следует ли интерпретировать это понимание как общее место, школьное определение, не требующее и даже не допускающее вопросов в свой адрес? Или в нём содержатся указание на возможность исследования феномена науки

в предметном пространстве культурологии и тем самым на проблемы, связанные с пересечением культурологических дисциплин и философии науки, а также на необходимость искать ключи к разрешению этих проблем? С одной стороны, такое пересечение отвечает определенному смещению современной философской проблематики в направлении

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 12–03–00560).

синтеза с культурологией, которое отмечают специалисты. С другой стороны, введение такого специфического предмета как наука в предметное поле культурологии представляется не столь простым и однозначным. Данный вопрос осложняется тем соображением, что сама современная культурология, определяя свой концептуальный аппарат, предметное пространство и методологический инструментарий, позиционирует себя в качестве науки.

В данной статье предполагается рассмотреть один из аспектов современного исследования феномена науки, в котором синтез культурологических и эпистемологических исследований представляется не только возможным, но и необходимым. С одной стороны, такой синтез не только расширяет предметное пространство двух дисциплин, но и создает дополнительные теоретические проблемы в понимании науки. С другой стороны, именно концептуальные и методологические основания культурологии могут быть задействованы в процессе разрешения этих проблем.

Напомним сначала, что принято делить проблематику философии науки по двум взаимосвязанным направлениям. Первое, в котором исследования посвящены философским проблемам различных областей научного знания, где философ включается в диалог с ученым, обсуждая те собственные проблемы науки, которые допускают и часто требуют философской интерпретации. Второе, в котором предметом философской рефлексии оказываются проблемы научного знания в целом, где осуществляется «философский анализ науки как формы познания, как профессиональной деятельности и соответствующего ей социального института»¹. Представляется, что в первом случае синтез культурологии и философии науки возможен, если речь идет о философских проблемах гуманитарных наук. Во втором случае — когда ставится вопрос о науке в ее значении для человека, о науке как ценности и о собственных ценностях науки. Именно последний аспект, проблема, связанная с так называемыми эпистемическими ценностями, будет рассмотрена в контексте синтеза исследований в области культурологии и философии науки. В центре внимания окажется

объективность как эпистемическая ценность или эпистемическая добродетель².

Отнесение вопроса о ценностях к ведению культурологии, представляющей собой теорию культуры или совокупность эмпирических исследований, имеющих отношение к этому предмету, не вызывает сомнений. При всей сложности и многозначности определения культуры, трудно представить себе, чтобы в него в том или ином смысле не включался вопрос о нормах и ценностях. Г. Риккерт так определяет указанную связь. «Для теории ценностей интерес представляют именно те ценности, которые возбуждают притязание на значимость, а только в сфере культуры можно непосредственно встретиться с действительностью, связанной с такого рода значащими ценностями. Культура есть совокупность благ, и только как таковая она и может быть понята. В культурных благах как бы осела, окристаллизовалась множественность ценностей»³. Наука также является культурным благом по Риккерту и может быть понята в качестве такового в свете ценности истины. Отнесение к ценностям придает и самой науке, исследующей культурные блага, её суждениям объективность, то есть всеобщую значимость и долженствование. Таким образом, в контексте неокантианства объективность выступает в качестве некоторой метаценности, ценности теории культуры как науки, общим универсальным формальным требованием, утверждающим вне-историческое значение любого культурного блага. Она может выступать и в качестве ценности, определяя значение науки

² В данном контексте нет необходимости проводить различия между ценностью и добродетелью, несмотря на то, что это различие принципиально для этики. В отношении исследований науки эти два термина оказываются очень близкими. В англоязычной традиции в последние двадцать лет популярно новое направление эпистемологии — эпистемология добродетели (Virtue Epistemology) — предполагающее исследование, в том числе, научных добродетелей. (См., например, работы последних лет: Roberts R. C., Wood W. J. *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology* (Advances in Cognitive Models & Arch) / Robert C. Roberts, W. Jay Wood. New York: Oxford University Press, 2007. 339 p.; *Virtue Epistemology: Contemporary Readings* (MIT Readers in Contemporary Philosophy) / ed. J. Greco, J. Turri. London, Cambridge Mass., 2012. 426 p.). В отечественной традиции принято говорить о ценностях науки. И в том и другом случае предмет исследования включает нормы и стремление к ним, которое присуще научной деятельности.

³ Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. *Философия жизни* / пер. с нем. К.: Ника-центр, 1998. 512 с. С. 464.

¹ Порус В. Н. *Этика науки в структуре философии науки // Этнос науки* / ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Академия, 2008. 544 с. С. 92.

как блага, поскольку в понимании объективности очевидна тенденция, отождествляющая ее с истиной.

Однако почему исследования в области ценностей науки должны принадлежать и философии науки, а не только культурологии, социологии или этике (актуальность именно культурологического концептуального аппарата будет прояснена позже)? Это неслучайно, поскольку в данном случае речь идет не о тех ценностях и нормах, которые просто сопутствуют научному исследованию, поскольку наука есть деятельность людей, не оказывая сущностного воздействия на содержание научного знания. (Так понимали специфику научных ценностей и норм представители так называемой первой волны социологии знания, к которой относится, в частности, Р. Мертон). Ценности науки принадлежат собственному пространству философии науки тогда, когда их понимание, их статус, их содержательная характеристика определяет существо самих научных исследований, когда речь идет о внутринаучных, когнитивных ценностях. Среди них часто называются ценность истины, новизны, объективности. Именно эти универсалии, в отношении которых необходимо определяется субъект научной деятельности, оказываются в качестве ценностей в центре внимания современных эпистемологов, философов и историков науки. Так, В. С. Стёпин пишет о ценности истины и новизны, при этом истинность исследований непосредственно связывается со стремлением к объективности¹; Л. Дэстон, и П. Галисон, представители современной исторической эпистемологии, называют объективность эпистемической добродетелью²; Р. Рорти пишет об объективности, истине и солидарности как о том, что вдохновляет человека познающего и практически действующего и определяет его стремления³. Представляется невозможным понять указанные ценности и добродетели как нечто имеющее привходящее значение для научного исследования,

поскольку с тем или иным их содержательным истолкованием связаны процедуры открытия, методы обоснования и легитимации научного знания, их конкретное понимание и способы осуществления. В этом смысле объективность понимается уже как содержательно определенная ценность, задающая цель научной деятельности и оправданно попадающая, тем самым, в предметное поле философии науки.

Теперь возникает противоположный вопрос: может ли культурология наряду с философией науки претендовать на исследование таких внутринаучных ценностей? В дискурсе философии науки нет однозначности по поводу смысла введения эпистемических ценностей в предметное поле анализа. С одной стороны, есть стремление называть их ценностями «только по имени», и иметь в виду, что речь в данном случае идет о критериях научности⁴. Тогда они, очевидно, остаются в поле зрения философии науки, но ускользают от внимания культурологических дисциплин. В этом случае мы имеем дело с тенденцией, когда научное знание понимается в терминах третьего мира, утверждающего свою автономию по отношению к деятельности людей. При этом нет необходимости ставить вопрос о том, как, многообразно определяясь в отношении к этим ценностям, человек обнаруживает себя в качестве существа мира культуры. При этом стремящаяся к объективности наука пытается очиститься от всего человеческого. Вопрос о субъекте стремления остается открытым.

С другой стороны, можно понимать эти ценности или добродетели в их собственном смысле. Это тот смысл, который они приобретают в глазах научного субъекта, признающего их. Они наделяют значением его собственную научную деятельность, а также трансформируются в необходимые правила, требования, законы этой деятельности, которым он не может не следовать, следуя которым он определяет себя. Этот смысл — содержательное должностное, которое задает существо научных практик, способы правильного поведения научного субъекта. Так, Л. Дэстон и П. Галисон, определяя объективность в качестве одной из научных добродетелей ученого с XIX века, пишут, что вопрос о том, как делать науку, тесно

¹ Стёпин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности науки // Этос науки / ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Академия, 2008. 544 с. С. 21–47.

² Daston, L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2010. P. 39.

³ Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth. New York: Cambridge University press, 1991. P. 21.

⁴ Агацци Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 94.

связан с вопросом о том, как быть ученым. Быть объективным — значит преодолеть собственную субъективность. «Мастерство в научных практиках тесно связано с умением владеть собой, с усердной культивацией определенного образа себя самого». В этом стремлении ученый оказывается «одновременно и скульптором и скульптурой»¹. Его стремление к преодолению субъективности есть борьба с «внутренними врагами» воображением, собственной волей и способностью к различным интерпретациям, потворством своим желаниям, склонностью к развитию собственных привлекательных теорий, нетерпеливостью. Эти враги опасны не просто своей принадлежностью определенному, всегда конкретному субъекту. Они таковы, поскольку не установлены нормы, правила их контроля². Стремление к объективности здесь не общее этическое требование и не профессиональная характеристика ученого (к которым относятся техническое мастерство экспериментатора, внимательность наблюдателя, честность, критичность и т. п.). Объективность (первый образ, в котором она возникает в XIX веке, механическая объективность) есть внутренний закон научного субъекта. Так, использование фотоаппарата при составлении ботанических атласов и приборов самописцев при определении диагноза заболевания медиками и физиологами связано не только с определенным уровнем развития техники, который предоставляет соответствующие возможности. Оно может быть объяснимо и стремлением максимально очистить предмет от тех субъективных элементов, которые неизбежно привносит исследователь, делающий от руки зарисовку в альбоме, оценивающий в привычных терминах характер пульса, интерпретирующий распознаваемые опытным, но индивидуальным взглядом, видимые симптомы заболевания. Эта самодисциплина, это самоограничение имеет целью не только избавить научное исследование и его предметность от теоретических предпочтений и интересов ученого, но и утвердить тот его идеал, который будет противопоставлен идеалу художника, но окажется не ниже его по чистоте и достоинству, связанному не в послед-

нюю очередь со сложностью его достижения³. В этом достижении ученый оказывается даже не «скульптором и скульптурой» одновременно, но скульптором и камнем, из которого должен быть сформирован его правильный образ! Эта добродетель самоограничения может быть соотнесена со стремлением к совершенству, о котором именно в связи с правильными научными способами познания начинает говорить уже Декарт⁴. Это стремление превращает объективность как абстрактную метаценность всеобщности или всеобщий критерий научности, связанный с адекватностью теории реальности, в страстное стремление к бесстрастности, в заинтересованный поиск незаинтересованной точки зрения, в личностное стремление к безличностной позиции. Понятно, что такое стремление, связанное с преодолением собственного несовершенства, столь же беспредельно, сколь многообразно по формам обнаружения само это несовершенство. Потому неслучайно, что так понятая объективность оказывается многообразной и по-разному обнаруживает себя в зависимости от области науки (математика, естествознание и гуманитарные науки), уровня научного исследования (экспериментальные практики и теоретическое исследование), стадии обоснования знания (внешняя легитимация и внутренняя экспертиза). В этом многообразии объективность всякий раз связана непосредственно с субъектом науки и, тем самым, с его культурной определенностью. Именно такое понимание объективности делает ее оправданным предметом не только эпистемологического, но и культурологического внимания.

Какие проблемы и сомнения возникают в связи с анализом таких эпистемических ценностей? Во-первых, сомнение связано с тем, что признание базовых характеристик научной деятельности в качестве ценностей, возможно, противоречит представлению о науке как ценностно-нейтральном знании. Это сомнение можно снять следующим образом. Идеал сво-

³ Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. 330 с. С. 37–71.

⁴ О возможности соотнесения стремления ученых к объективности с христианскими добродетелями, с религиозной аскезой см.: Daston, L. and Galison P. The Image of Objectivity. Representation. 1992. № 40. Special Issue: Seeng Science. P. 121.

¹ Daston, L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2010. P. 40.

² Daston, L. and Galison P. The Image of Objectivity. Representation. 1992. № 40. Special Issue: Seeng Science. P. 118.

боды от ценностей был введен в рефлексию оснований науки в связи с необходимостью противостояния практикам политического и экономического давления на научное исследование. В настоящее время этот идеал подвергается критической рефлексии, поскольку часто апелляция к нему скрывает действительную ангажированность научных исследований, зависимость их от тех или иных социально-политических предпочтений¹. Подобного рода критика идеала ценностной нейтральности знания имеет место как в современном марксизме, а также в так называемой феминистской эпистемологии. Кроме того, в рассматриваемом нами случае речь идет не о «внешних» науке ценностях, а о тех, которые определяют автономии ученого, о тех требованиях, которые он предъявляет к самому себе как к субъекту науки. Используя выражение Канта, можно сказать, что в лице эпистемических ценностей ученый находит не тот закон, которому он подчиняется, но тот, который он уважает, поскольку сам устанавливает его для себя. Современный феминистский эпистемолог Е. Лонгино различает контекстуальные и конститутивные научные ценности². Первые (социальные, моральные, политические) «извне» определяют выбор, который делает ученый в отношении оснований своего исследования; вторые (когнитивные) сравнимы с тем, что нами было названо «ценности по имени» (точность, надежность, доказательность и т.п.). Объективность оказывается, на наш взгляд, выше этого различия, включая его в себя, поскольку с одной стороны, следование объективности определяет выбор научных методик, содержательную определенность научных практик. С другой стороны, объективность выходит за рамки научной деятельности не только потому, что служит основанием легитимации научных исследований, признания их ненаучной общественностью, но и потому, что она имеет значение в тех видах деятельности, которые не имеют непосредственной связи с наукой (журналистика, юриспруденция и т.п.). Обретая такой статус «бытия между», объек-

тивность как ценность оказывается, тем самым, возможным предметом, как философии науки, так и культурологии.

Во-вторых, проблема введения ценностей в определение оснований научной деятельности возникает тогда, когда многообразие в содержательном истолковании той или иной ценности приводит к противоречию, противопоставлению смыслов, когда возникает негативное и позитивное отношение к той или иной эпистемической ценности, звучит требование переоценки ценностей, связанное с осознанием их преходящего характера. В этом случае возникает вопрос о возможном единстве понимания науки. Именно так можно охарактеризовать современное положение вокруг объективности как ценности науки. Подчеркивается многообразие форм научной объективности и их несводимость друг к другу³; выясняется, что иногда на первое место в науке выдвигаются добродетели, непосредственно не связанные с объективностью, например добродетель «тренированного суждения», которая предполагает не преодоление субъективности, но, напротив, воспитание субъекта в контексте определенного способа научного видения⁴; раздаются требования переинтерпретации ценности объективности и замены ее ценностью интересубъективности или солидарности⁵. По Риккерт, ценности определяют должествование, а с понятием должествования связан универсализм в их понимании. И даже если история как основная дисциплина, исследующая культуру, допускает многообразие в своем предмете, то это многообразие должно быть снято систематическим философским исследованием⁶. Кажется, что в этой ситуации современные исследования, погружающие науку в контекст культуры и обнаруживающие многообразие в содержании эпистемических добродетелей или собственных ценностей научных исследований, должны признать свою недееспособность и, более того, опасность, провоцирующую недопустимый в от-

³ Douglas H. The Irreducible Complexity of Objectivity // Synthese. 2004. Vol. 138. № 3. P. 453–473; Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / ed. A. Megill, Durham and London: Duke University Press, 1994. P. 1–20.

⁴ Daston, L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2010. P. 309–362.

⁵ Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth. New York: Cambridge University press, 1991. P. 13.

⁶ Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни / пер. с нем. К.: Ника-центр, 1998. С. 467.

¹ См. об этом: Proctor R. Value-Free Science?: Purity and Power in Modern Knowledge. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. P. 344.

² Longino H. E. Science as Social knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry. Princeton.: Princeton University Press, 1990. P. 220.

ношении ценностей релятивизм. Когда ставится вопрос о понимании научной деятельности, которая утверждается в качестве значимого элемента культуры, требование универсализма базовой ценности противостоит фактичности ее многообразных проявлений. А субъекты, многообразие которых является основанием неоднозначности в понимании ценности, не должны претендовать на то, что их бытие определяет существо науки.

Стоит ли в этой ситуации, объявив о недопустимости релятивизма, имеющего свои основания в исследованиях науки как элемента культуры, признать вторичное, привходящее значение этой характеристики для науки? Тем самым ограничить предметное пространство культурологии и близких к ней дисциплин, запретить какой бы то ни был синтез философии науки с подходами, имеющими экстерналистский характер, перестать замечать двусмысленный, серединный статус объективности как ценности? Или стоит попытаться обнаружить в исследованиях, которые порождают опасность релятивизма также источник спасения от него?

Представляется, что в этом контексте внимание именно к концептуальному и методологическому аппарату культурологии является конструктивным. Речь идет о том новом понимании категории универсализма, которое вырабатывает эта дисциплина. Как известно, релятивизм, радикальный смысл которого может быть понят как признание равной достоверности многообразных способов понимания мира, может иметь место в двух формальных контекстах. Во-первых, в допустимом дискриптивном, предполагающем *описание* многообразных традиций, норм, установок, ценностных ориентаций, требований, определяющих деятельность того или иного субъекта культуры. Во-вторых, в проблематичном *нормативном*. В последнем случае речь идет о сравнении и оценке различных установок. Если в первом случае возможен плюрализм и многообразие, то во втором случае релятивизм недопустим, поскольку необходимо делать выбор в отношении требования, нормы, ценности, которая будет являться основанием действия. Более того, в чистом виде релятивизм в нормативном смысле трудно представим, поскольку в практическом смысле он парализует действие, а в теоретическом допускает, что человек — существо, которому безразлична борьба за признание и стремление к утверждению собственной всеобщности! В этой ситуации лозунг

«допустимо все» может быть истолкован как красивый, но проблематичный, идет ли речь об определенности научной методологии, о взаимодействии науки с ненаучными подходами, об отношении к иной культуре. В этом контексте представляется очевидным, что именно теория культуры есть та дисциплина, которая в первую очередь сталкивается с проблемой релятивизма, включая в себя как необходимый элемент дескрипции, описание ситуаций культурного многообразия, так и нормативный элемент, предписывающий некоторым образом действовать в этой ситуации. Решение данной проблемы в культурологии связано с новым истолкованием понятия универсальности, которая может и должна быть понята в современности не как апелляция к уже имеющемуся единству, но как признание многообразия и стремления к единству. Признание значения Другого, критика собственного догматического понимания культурных ценностей, сосуществование и взаимодействие множественности, «ценность согласия на разногласия», не «универсально-нивелирующая всеобщность», но признание права различных творчески активных субъектов быть не только определяемыми, но определяющими в отношении целого¹ — эти характеристики новой универсальности представляют собой противоядие от опасного релятивизма.

Тогда и объективность как научная ценность будет допущена в своем *необходимом и закономерном многообразии*, предполагающем, что стремление к ней связано с различием областей, уровней и этапов научной деятельности в которых научный субъект по-разному обнаруживает собственное несовершенство, собственную партикулярность, предвзятость и преодолевает их. Но это необходимое многообразие, зависимое от различия исходных позиций и контекстов будет понято как *поиск взаимопонимания*, единства, практика широкого мышления в кантовском смысле, мышления себя на месте другого. Тогда и ценность солидарности, которую провозглашает Р. Рорти, обвиняемый современными отечественными эпистемологами в релятивизме, окажется не так уж далека, по сути, от ценности объективности.

¹ Дианова В. М. Процессы универсализации культуры в контексте глобализации // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. СПб.: Нестор-История, 2009. 632 с. С. 178.

Вопрос состоит в том, сможет ли философия науки воспринять данный урок в отношении базовых научных ценностей? Сможет ли она создать условия для диалога реалистов, связывающих объективность с отношением к независимой реальности, конструктивистов, определяющих ее как устойчивую социальную конвенцию, прагматистов, желающих понять объективность как интерсубъективность,

математиков, видящих в объективности гармонию мира, устанавливаемую мыслью, администраторов науки, настаивающих на том, что объективность должна быть связана со статистикой и количественными методами? От этого зависит не только утверждение понимания объективности в качестве научной ценности, но и возможность полноты исследования науки как элемента культуры.

Список литературы:

1. Агацци Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 93–104.
2. Борисов С.В. «Философский глаз» для науки: диалог в диалоге // Философия и культура. 2011. № 1. С. 81–91.
3. Грязнова Е. В. Предмет философии науки // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 514–529. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_440.html).
4. Дианова В. М. Процессы универсализации культуры в контексте глобализации // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. СПб.: Нестор-История, 2009. 632 с. С. 174–187.
5. Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. 330 с. С. 37–71.
6. Порус В. Н. Этика науки в структуре философии науки // Этнос науки / ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Академия, 2008. 544 с. С. 87–107.
7. Пржиленский В. И. Философия науки как исследовательская программа: между историей науки и теорией познания // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 205–228. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_267.html).
8. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни / пер. с нем. К.: Ника-центр, 1998. 512 с. С. 448–486.
9. Стёпин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности науки // Этнос науки / ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Академия, 2008. 544 с. С. 21–47.
10. Daston, L. and Galison P. The Image of Objectivity. Representation. 1992. № 40. Special Issue: Seeng Science. P. 81–128.
11. Daston, L., Galison P. Objectivity / L. Daston, P. Galison. New York: Zone Books, 2010. 502 p.
12. Douglas H. The Irreducible Complexity of Objectivity // Synthese. 2004. Vol. 138. № 3. P. 453–473.
13. Longino H. E. Science as Social knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry / H. E. Longino. Princeton.: Princeton University Press, 1990. 262 p.
14. Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / ed. A. Megill, Durham and London: Duke University Press, 1994. P. 1–20.
15. Proctor R. Value-Free Science?: Purity and Power in Modern Knowledge / R. Proctor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
16. Roberts R.C., Wood W.J. Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology (Advances in Cognitive Models & Arch) / Robert C. Roberts, W. Jay Wood. New York: Oxford University Press, 2007. 339 p.
17. Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth / R. Rorty. New York: Cambridge University press, 1991. 226 p.
18. Virtue Epistemology: Contemporary Readings (MIT Readers in Contemporary Philosophy) / ed. J. Greco, J. Turri. London, Cambridge Mass., 2012. 426 p.

References (transliteration):

1. Agatstsi E. Pochemu u nauki est» i eticheskie izmereniya? // Voprosy filosofii. 2009. № 10. S. 93–104.
2. Borisov S.V. «Filosofskii glaz» dlya nauki: dialog v dialoge // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 1. S. 81–91.

3. Gryaznova E. V. Predmet filosofii nauki // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 514–529. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_440.html).
4. Dianova V. M. Protsessy universalizatsii kul'tury v kontekste globalizatsii // Kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: globalizatsionnye protsessy. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. 632 s. S. 174–187.
5. Deston L. Nauchnaya ob'ektivnost' so slovami i bez slov // Nauka i nauchnost' v istoricheskoi perspektive / red. D. Aleksandrov, M. Khagner. SPb.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Aleteiya, 2007. 330 s. S. 37–71.
6. Porus V. N. Etika nauki v strukture filosofii nauki // Etos nauki / red. L. P. Kiyashchenko, E. Z. Mirskaya. M.: Akademiya, 2008. 544 s. S. 87–107.
7. Przhilenskii V. I. Filosofiya nauki kak issledovatel'skaya programma: mezhdue istoriei nauki i teoriei poznaniya // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 205–228. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_267.html).
8. Rikkert G. O ponyatii filosofii // Rikkert G. Filosofiya zhizni / per. s nem. K.: Nika-tsentr, 1998. 512 s. S. 448–486.
9. Stepin V. S. Evolyutsiya etosa nauki: ot klassicheskoi k postneklassicheskoi ratsional'nosti nauki // Etos nauki / red. L. P. Kiyashchenko, E. Z. Mirskaya. M.: Akademiya, 2008. 544 s. S. 21–47.
10. Daston, L. and Galison P. The Image of Objectivity. Representation. 1992. № 40. Special Issue: Seeng Science. P. 81–128.
11. Daston, L., Galison P. Objectivity / L. Daston, P. Galison. New York: Zone Books, 2010. 502 p.
12. Douglas H. The Irreducible Complexity of Objectivity // Synthese. 2004. Vol. 138. № 3. P. 453–473.
13. Longino H. E. Science as Social knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry / H. E. Longino. Princeton.: Princeton University Press, 1990. 262 p.
14. Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / ed. A. Megill, Durham and London: Duke University Press, 1994. P. 1–20.
15. Proctor R. Value-Free Science?: Purity and Power in Modern Knowledge / R. Proctor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
16. Roberts R. C., Wood W. J. Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology (Advances in Cognitive Models & Arch) / Robert C. Roberts, W. Jay Wood. New York: Oxford University Press, 2007. 339 p.
17. Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth / R. Rorty. New York: Cambridge University press, 1991. 226 p.
18. Virtue Epistemology: Contemporary Readings (MIT Readers in Contemporary Philosophy) / ed. J. Greco, J. Turri. London, Cambridge Mass., 2012. 426 p.